

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава I. Церковно-реформационное движение во время патриаршества Иосифа и его главные представители

Появление в русском обществе, после так называемого смутного времени, сознания необходимости улучшить религиозно - нравственную жизнь всего русского народа. Разные челобитные к духовным и светским властям с жалобами на церковные не порядки, на зазорное поведение белого и черного духовенства, на народные языческого характера суеверия и игрища, на разные народные пороки и недостатки. Правительственные меры по поводу этих жалоб. Образование в Москве кружка ревнителей благочестия. Глава кружка, царский духовник, благовещенский протопоп Стефан Вонифатьевич. Его придворная деятельность, его приверженность к киевлянам и грекам, его заботы о поднятии нравственности и просвещения среди духовенства и народа, поставление им, с этой целью, по разным городам на протопопские места лиц, известных своей строгой жизнью, истовостью в совершении церковных служб, учительностью, ревностью к насаждению благочестия в народе и борьбою с народными языческого характера игрищами и суевериями. Образование из этих лиц провинциального кружка ревнителей благочестия. Общий характер деятельности провинциального кружка ревнителей, задачи и цели, какие он преследовал. Его взгляд на относительное достоинство греческого благочестия, греческих обрядов и чинов, сравнительно с русскими.

После так называемого смутного времени, когда почти совсем погибало русское царство, когда многое, прежде считавшееся таким твердым и незыблемым, пошатнулось, оказалось слабым и малоустойчивым, русская жизнь уже не удовлетворяет очень и очень многих. Она — русская жизнь как то вся заколебалась, незаметно стала понемногу сдвигаться с своих старых дедовских основ и устоев, стала, хотя сначала ощупью и в разброд, искать новых путей, новых более культурных сил и средств для своего дальнейшего существования. Отсюда явились попытки так или иначе реформировать ее, улучшить и усовершенствовать, причем бравшиеся за это дело подходили к той же цели разными путями, с разных сторон и употребляли разные средства. Одни — большинство видели причину всех происшедших бед и нестроений народной и государственной жизни в низкой народной нравственности, в народной испорченности и порочности, в недостаточности ее проникновения христианскими и церковными началами. Поэтому они желали нравственно перевоспитать общество с помощью борьбы с остатками в народе языческих суеверий, грубых обычаев, языческого характера народных игрищ, забав и увеселений, желали на народ более мощного церковно-религиозного воздействия. В этих видах они усиленно стремились прежде всего привести в порядок нашу тогдашнюю

церковную жизнь, в которую вкралось много нестроений и непорядков, именно: они решительно восставали против порочной и зазорной жизни духовенства, усиливались ввести в отправление всех церковных служб чинность, истовость, учительность, чтобы сделать церковные службы вразумительными и назидательными для народа. Другие думали поставить дело шире: желали еще исправления наших церковных чинов и обрядов, пересмотра и исправления всех наших богослужебных книг, с помощью сведущих в этом деле людей, так как были убеждены, что наши церковные книги, чины и обряды потерпели, вследствие разных причин, некоторые нежелательные изменения, сделавшие их кое в чем непохожими на настоящие древне-церковные православные чины и обряды. Третьи, не отрицая указанных причин, видели еще коренной недостаток тогдашней русской жизни в полном отсутствии у русских просвещения, каких бы то ни было научных знаний, вообще в их умственной темноте и невежестве, почему думали и стремились завести к Москве, с помощью ученых греков и киевлян, правильно устроенную строго православную школу, чтобы при ее посредстве насаждать среди русских недостающие им знания и просвещение. Наконец были и такие, хотя еще и очень немногие, которые, то сознательно, то бессознательно, стремились сблизиться с иноверным просвещенным западом, усвоить, путем подражания и заимствования, его обычаи, внешнюю обстановку его жизни, а в конце - западные знания и науку. Часто все эти стремления и направления перепутывались и смешивались между собою и даже у одного и того же лица. Вообще в переходные эпохи, когда только что зарождаются и начинают формироваться в народной жизни новые направления и течения, их трудно бывает выследить с полною ясностью и определенностью, так как они сами еще очень неясны, неопределенны, а их носители и выразители не редко являются непоследовательными, а иногда и противоречивыми. К тому же: самые зарождающиеся новые направления в жизни почти всегда встречаются затемненными сторонними, к существу дела неотносящимися обстоятельствами, разными случайными и побочными явлениями.

Среди различных новых направлений, начавших у нас появляться после смутного времени, и имевших в виду обновить, улучшить нашу народную жизнь, прежде всего с особою силою выступило стремление улучшить крайне расшатавшуюся народную нравственность, возвысить общий уровень христиански религиозной жизни народа, стоявшей доселе еще на довольно низкой ступени, и даже сохранившей в себе много языческого; стремление исправить тогдашнее духовенство и самую церковную жизнь, в которую вкралось многие нестроения, особенно в сфере отправления церковных служб. Это стремление вызвало прежде всего появление различных челобитен, исходивших от частных лиц, которые, проникаясь ревностью к благочестию, обращаются к патриархам и к самому государю с ходатайствами, чтобы они предприняли меры к уничтожению общественных недостатков и пороков, к улучшению церковной и вообще нравственно-религиозной жизни народа и самого духовенства.

В 1636 году девять нижегородских священников, в числе которых находился и знаменитый потом Иоанн Неронов, подали патриарху Иоасафу челобитную, в которой

довольно подробно указывают на различные церковные беспорядки и нестроения, на зазорное поведение приходского духовенства, на его лень и небрежение к духовно-нравственным потребностям пасомых, на его пьянство и бесчинство, на крайне непристойное и бесчинное поведение молящихся в храмах, на грубые с явным языческим характером народные забавы и увеселения, свидетельствующие об отсутствии во всем народе истинной христианской религиозности, доброй нравственности и добрых христианских нравов. В виду этого челобитчики умоляют патриарха позаботиться «о исправлении церковнем; о часех с обеднями и о постных безвременных вечернях». Они просят патриарха: «учени, государь, свой святильской указ, чтоб по преданию св. апостол и святых истинно славился Бог, и до конца бы церкви Божия в лености и в небрежии не разорилась, и нам бы в исправлении и в скудости веры до конца не погибнути; и вели, государь, на те дела о церковном исправлении: как пети часы и вечерни в пост великий и о мятежи церковнем, что неистовствуют в церквах шпыни и прокураты, и о играх бесовских, дати свои государевы святительские грамоты»¹

Неизвестный, в челобитной к патриарху Иосифу, восстает с особою силою против тогдашнего распущенного духовенства, говоря, что пастыри церкви только «именем пастыри, а делом волцы, только наречением и образом учителя, а произволением тяжцы мучители, иже малого ради своего покоя и предатели суть душам человеческим, ненастоящей и маловременной, но грядущей и вечной муце». Этот суровый отзыв о тогдашних пастырях неизвестный иллюстрирует в своей челобитной указанием на то, что священники совершают службы «омраченные пьянством», что они «вскочут безобразно в церковь» и начинают отправлять церковные службы без соблюдения церковного устава и правил, стараясь только как можно скорее кончить службу. Ради этого они никогда не читают в церкви положенных для народа поучений, поют и читают зараз в пять — шесть голосов, делая этим все богослужение непонятным для народа, который поэтому в церкви ничему не научается и нисколько не назидается. Священники не только не прекращают в церкви разных бесчиний со стороны молящихся, особенно если последние принадлежат к людям знатым и сильным, но и всячески заискивают перед ними и во всем потакают им, не заботясь об их исправлении, и вообще на свою паству — на ее нравственную распущенность и пороки, не обращают никакого внимания. И не только белое духовенство, но и монахи, вопреки своим иноческим обещаниям и клятвам «любят серебро и злато и украшение келейное, имеют влагалища исполнена лишних одежд, тщатся притяжати большая стяжания, и тем желают мирския любви достигнута». Они устраивают в обителях пиры на монастырский счет «для великоименитых властей», дают им взятки, чтобы получить чрез них в монастыре: игуменство, строительство, келарство и вообще какую либо почетную и доходную монастырскую должность. И вот такая монастырские власти, приемши власть ценою гиблющего имения, к подвластным зверообразни являются сурови и мстиви томители, и святых обителей грабители»; сами же они, окруженные родственниками и приспешниками, обыкновенно ведут пьяную,

¹ Эта челобитная, с очень обстоятельным объяснением, напечатана Н. В. Рождественским в Чт. общ. ист. и древн. расс. за 1902 г. кн. II, отд. IV, стр. 1 — 31.

разгульную и развратную жизнь. Не оставил без обличения неизвестный и высших церковных иерархов. Архиереи, заявляет он, сами занимая кафедры неподготовленными, неискушенными предварительно иночески подвижническою жизнью, не стараются исправить указанные вопиющие недостатки в иноческой монастырской жизни. В виду этого челобитчик умоляет патриарха, косвенно делая и ему упрек в нерадении: «подвигнися, пишет он, о церквах Божиих и о святых и честных монастырех, приими, государь, ревность учения первопрестольник твоих великих святителей: Петра и Алексея и Ионы, тии бо на всяко лето области своя по всем градом трудолюбно сами церкви Божии назирали, како во всей славе стоят, и монастыри, паче же живущих в них наставников и наставляемых, како без смущения и страха пребывают. Исправи, государь хромое, да не како до конца совратится, но да исцелее. Не трудно бо тебе, государь, шествовати, путь воздаянием спасения мзды посыпана».

В 1651 году иконописец Григорий подал государю челобитную, в которой он жалуется на порочную и во всех отношениях очень распущенную жизнь духовенства города Вязьмы, служащую соблазном для прихожан, на разные народные игрища «мерзкие», которые «бывают в начале от Рождества Христова и до Богоявления всенощные, на коих святых нарицают, и монастыри делают, и архимандрита, и келаря и старцов нарицают, там же и женок и девок много ходят, и тамо девицы девство диаволу отдают». Другое игрище бывает в Троицын день, когда «загород на курганя ходят и неподобное творят». Третье игрище — от Петрова до ильина дня, когда «на релях вешаются и накрутящих крутятся, и многих диавол берет, и деньги тых благословляют при церкви погребати». Наконец было еще игрище ночью под рождество Иоанна Предтечи, когда «всю ночь бесятся, бочки дегтярные зажигают и с гор катают и, веники зажегши, скачут». И так как «и поиным городам такожде много неисправления», то челобитчик рекомендует государю, «такового бы человека изыскати на исправление поиных городах, еже не своего искати, но Божия, и не на лица зрети, и посулов бы не брати» т. е. он рекомендует государю назначить от себя особое лицо, честное и неподкупное, и поручить ему специально заняться уничтожением в городах тех беспорядков, бесчиний и грубых народных языческих и кощунственных игрищ, на которые указал челобитчик².

Кроме патриархов и государя челобитные, по поводу разных церковных нестроений, нравственной распущенности духовенства и народа, подавались некоторыми частными лицами и разным местным епархиальным архиереям. Так суздальскому архиепископу Серапиону (поставлен в архиереи 5-го окт. 1634 г., умер в 1653 г.) некто, называющий себя Агафоником, подал особую очень обширную челобитную, в которой подробно доказывает необходимость введения в церковных службах единогласия, указывает и разъясняет незаконность практиковавшегося тогда многогласия, его вред и пагубность для молящихся. Тому же архиепископу Серапиону делались заявления о разных церковных не порядках в его епархии, о нравственной распущенности духовенства и пасомых

и

т.

п.

² Челобитные: неизвестного и иконописца Григория напечатаны в приложении нашей книги: Патр. Никон.

Помимо челобитен встречаются еще в рукописных сборниках и особые статьи с обличением тех или других частичных церковных не порядков и уклонений от церковного устава и правил. Такова, например, статья о поклонах в великий пост, в которой автор заявляет, что «в нынешнее настоящее время от неких иереов, иже страха Божия в себе не имеют, презираеми бяху и мнози поклонов не творят в церкви во святой великий пост, якоже устав повелевает, ово убо лености ради и небрежения, ово же безстрашия ради и нечаяния будущего страшного суда и вечных мук, и не хотяще разумети, яко сии земнии поклони повсюду всем вообще — православным иноком и мирским — преданы от святых апостол и святых стен, яко да никакоже сии презираеми бывают во святой сии великий пост, но да и паче подвигнемся, еже исправити сие святых отец предание, сиречь коленное преклонение, яко же устав повелевает, а не разрушити и вместо света тьму возлюбити: проклято бо сие, с еретики отвержено, еже не творити поклонов до земли в молитвах наших к Богу в церкви во уреченныя дни». Затем автор старается доказать всю великость нечестия — не творить поклоны, соответствие последних со всем церковным преданием и правилами, отрицание поклонов называет «нечестием и ересью», и так как, по его заявлению, «во многих вкоренися таковое нечестие и ересь», то он и делает далее выписки из церковного устава, показывающие: когда, сколько и в каких случаях следует делать поклоны во время разных церковных служб³.

Таким образом частные лица, или коллегиально — как нижегородские священники, или в одиночку, своими челобитными и литературными обличениями и разъяснениями, вскрывали пред высшею духовною и светскою властью различные церковный нестроения, царившие в обществе и среди самого духовенства пороки и недостатки, и призывали на борьбу с ними правительство. Церковная власть, с своей стороны, принимала во внимание заявления челобитчиков и издавала иногда поэтому поводу особые распоряжения. Так, по поводу челобитной нижегородских священников патриарх Иоасаф, в 1636 году 14 августа, издал известную память тиуну Манойлову и поповскому старосте, Никольскому попу Панкратию, о прекращении в московских церквах разного рода бесчинств и церковных не порядков, которые, очевидно, во всей силе существовали не только в Нижнем Новгороде, но и в самой Москве, а также и в других городах. Память патриарха Иоасафа тиуну Манойлову имела значения не для одной Москвы, но была разослана, по-видимому, ко всем епархиальным архиереям. По крайней мере в 1642 году 30 мая послана была: «поуказу великого господина преосвященного Серапиона, архиепископа суздальского и торуского, память в Суздале городе и по всем городам наши архиепископы и протопопом и священником и диаконом», которая является почти буквальным воспроизведением памяти патриарха Иоасафа, только с присоединением к ней и многого своего, вызванного чисто местными условиями. Память, или точнее, окружное послание к духовенству и народу суздальского архиепископа Серапиона, бывшее доселе неизвестным, в некоторых отношениях очень любопытно, как памятник стремления духовных властей упорядочить и улучшить местную епархиальную жизнь.

³ Рук. импер. публ. библ. из собрания гр. Толстого № 258, л.л. 11—120.

Память архиепископа Серапиона 1642 года начинается теми же словами, как и память патриарха Иоасафа, только с изменением названия рассылающего ее лица и названия города, куда она адресована. «Ведомо убо нам архиепископу, пишет Серапион, от многих известия, что в Суздале и по всем городам нашей архиепископии, в соборных и приходских святых Божиих церквах чинятца мятежи и соблазн и нарушение святых наша православных христианских непорочных веры, что в святых Божиих церквах зело поспору пение Божие, не по правилам святых апостол и святых отец: говорят в голосов пять и шесть и больши, со всяким небрежением» и т. д. — воспроизводится вся память патриарха Иоасафа тиуну Манойлову 1636 года⁴.

⁴ Впрочем в суздальской памяти встречаются и некоторые изменения по сравнению с московской, хотя и не особенно значительные. Они касаются прежде всего некоторых отдельных слов, не имеющих значения в происшедших вероятно от переписчиков. Но кроме этих случайных изменений в отдельных словах, в суздальской памяти есть против московской и некоторые характерные опущения и вставки, именно: в московской памяти говорится: «а в церкви бы велели говорити голоса в два, а *понужде в три голоса* опроче экзасалмов, а экзасалмы бы по всем церквам говорили в один голос». В суздальской памяти говорится: «а в церкви велети говорити голоса *в два*, а экзасалмы по всем церквам говорити в один голос»; слова московской памяти: «а по нужде (говорить) в три голоса», в ней опущены. Очевидно архиепископ Серапион, сочувствовавши, вероятно, единогласию, избирает средину: он позволяет говорить в церкви в два голоса, но не позволяет говорить, хотя бы и по нужде, в три голоса, и тем самым, с одной стороны, несколько удовлетворяет сторонников единогласия, а в тоже время существенно не расходится в этом пункте и с патриаршею памятью. О нищих в московской памяти говорится: «нищим во время святого пения по церквам ходити милостыни прошати отнюдь не велети же, а велети им стояти и просити милостыни вне церкви, стояти в притворе церковнем, егдаже православнии христиане должны суть подаяти им до святого пения, входяще во святую церковь, после пения, исходяще из церкви, подают. А во время святого пения им, в церковь приходя, мятежу и соблазну никакого отнюдь чинити не велети, а велети им в те поры в церкви Божией стояти и слушати божественного пения такожде со страхом и благоговением, немятежно». В суздальской памяти все это место изложено так: «а нищим шпыням по церквам ходити отнюдь невелеть» — и только. Сравнительно с московскою памятью в суздальской есть и некоторые вставки. В московской говорится: «а иные, полагают пелены на блюде и свечи, собирают, рекуще: на созидание церквам; инии же творятца малоумни, а потом их видят целоумных». В суздальской это место изложено так: «а инии, полагают пелевы на блюде и свечи, собирают, рекуще: на созидание церквам, а потом их мнози видят со пьяницами; а инии проданными себя называют и на окуп просят; а иные творятца неистовыми нравами, и потом их видят целоумных». В московской памяти говорится: «чего неподахом: не пленена-ли земля, не взяты-ли быша гради, не падоша-ли без оружия, не помроша-ли скоти и не оскудеша-ли нивы? И сия вся содеяшася ныне пред очима нашими в наше наказание, и никакоже воспомянухом ся! И тивуну Ивану Манойлову и пр.» В суздальской памяти, после слов московской — «и никакоже воспомянухом ся» — находится следующая довольно большая вставка: «и протопопом и священником всякую службу: вечерню и повечерницу, и утреницу, и часы пети в ризах; а которые христиане бороды бреют, и женский пол белятца, и тем заповедать, чтобы впредь того не творили; и которые промышляют кабаками и тяжуются ходя х'крестному целованию, и промеж себя любви не имеют, живут во вражде и прелюбодействе и в блуде, и от таковых в церковь Божию принося от них не принимать, дондеже обратятся от таких злых дел. Да священником же детей своих духовных во вся воскресения и в праздники наказывать по заповеди Божией жити, и к церкви Божией велеть приходити по часту, чтобы не обленились. Да и самим бы вам протопопом и священником и дьяконом добро пожити к великой духовной крепости и люди учити. Помните какову власть от Бога прияхом: поставлени бо есте Христово стадо пасти словесных овец, православных христиан, а ни злата, ни сребра ради и никаких тленных вещей, но токмо о душах христианских пещися во дни и в нощи, да како имам ответ воздати Богу во второе пришествие: се аз и дети, яже ми дал Бог». В московской памяти повелевается, чтобы «позорною и безстыдною бранию... отнюдь бы небранились, таковыми словесы языка и душ своих не сквернили». В суздальской к этому сделана такая прибавка «и блуда и прелюбодейства отнюдь удалялися, и содомского греха отнюдь блюлися, понеже бо за такая дела Содом и Гомор Господь огнем пожже». Конец московской памяти со слов: «да и самому бы пуну Ивану Монойлову, да старость поповскому попу Панкратию велети у себя в тиунской избе сию память прочитати» и далее до конца памяти, в суздальской изложен несколько иначе, именно: да и сами бы есте протопопы и священники вся творили

Но воспроизведением московской памяти, с некоторыми в ней изменениями и вставками, суздальский архиепископ Серапион однако не ограничился. Он, со своей стороны, к московской памяти присоединил еще целый ряд собственных своих распоряжений, рассуждений и увещаний, вызванных, очевидно, особенностями местной жизни и личными заботами архипастыря устранить и уврачевать недостатки нравственно-религиозной жизни местного общества и духовенства.

Архиепископ предписывает, чтобы все православные христиане обязательно постились в великий пост, «и кто достоин, они бы пречистому телу и крови Христове причащались; а коим недостойно причастится, и они бы к доре приходили, а отнюдьбы никто от православных христиан святого великого поста не постяся—не минули», причем архиепископ требует прежде всего соблюдения этих предписаний от самого духовенства. «А буде вы сами (протопопы священники и дьяконы), пишет архиепископ, не учнете творити так, и от пьянства и от иных неподобных дел, яже писано в сей памяти, не воздержитесь и детей своих духовных и прихожан не станете наказывать и поучать, и вам за то от нас, архиепископа, быть в великом жестоком наказании и в пене. А православнии христиана, буде кой не учнет вас слушати и во святой великий пост не учнут поститися и на предняя дела злая своя обратятся: учнут блуд и прелюбодейство творити, или хто пойдет к крестному целованью, или жены их учнут лица свои пременять - на бесовский обычай белитца, или иное какое дурно учнут делать; и таковым православным христианом безчинником запрещати, и в церковь Божию не пущати, и приносу от них никакова не принимать, дондеже обратятца; и вам извещать на них архиепископу, и от нас таким безчинником быти в великом и жестоком наказании и в пене безпощады».

Архиепископу ведомо учинилось, что в земской избе, где ежегодно бывают сходы всех посадских людей, «на том сходе, промеж вами, мирскими людьми, бывают мятеж велик и брань велия о всяких податех, и бывают у вас промеж вас в податех оклады: на иных прибавка, а с иных сбавка; и в тех у вас окладах промеж вами бывают клятвы великие и божение не по правде». Архиепископ слышал далее, что во время раскладки в земскую избу на сход приносят образ Христа «и пред тем образом Христовым клятвы и божения творите, а все не по правде. А инии—де безумнии человецы, на том у вас сходе, к тому пречестному образу в том окладе на роте и прикладываются, чтобы с него подати сбавили». Архиепископ повелевает, чтобы «отселе впредь тако не творити, клятвы и божения на криве не глоголати, и к пречестному образу Спасову на роте во окладах податных не ходити». Нарушителям этого требования — «тем безумным людем от нас, архиепископа, быть в великом наказании, и велим тех безумных человек отцом их

по сей памяти, и прочитали бы есте сию память почасту православным христианом, кои к вам в церковь Божию приходят по воскресным - днем и по владычным и богородичным и нарочитых святых праздникам, и о том бы накрепко наказывали всех православных христиан, чтобы творили так, как в сей памяти написано, неотложно, с великим утверженем. Также же бы и вы, священники, не безчинствовали и по кабакам не ходили и исправляли бы пение церковное благочинно и не леностно по преданию св. апостол и св. отец и против сея памяти. А старостам поповским по мирским по приходским церквам дозировать почасту того церковного пения и тово в себе оплошку не ставити».

духовным от церкви отлучити, и в дома их не велит ни с какою святынею приходити». А тем начальным людям, которые все это будут допускать на будущих сходах, говорить архиепископ, «будет тоже наказание и запрещение от нас и от отцев их духовных».

Архиепископ заявляет далее: «да у вас, православных христиан, слышим, что у вас безумнии человецы лают друг друга матерны, а инии безумнии человецы говорят скаредные и срамные речи, их же невозможно писанию предати; а инии, окаянии человецы, творят блуд и прелюбодейства и садомския грехи». Архиепископ увещевает своих пасомых «от такихых богомерзких дел отселе престати, и матерны друг друга не бранити, и скаредных и срамных речей не говорити, и блуда и прелюбодейства и садомского греха не творити». Священников он убеждает, что бы они всячески унимали своих прихожан «от такихых богомерзких дел», причем замечает: «да и самим бы вам, священникам и дьяконам, житие доброе жити, в безмерное пьянство не вдаватися, и от всяких неподобных дел уклонятися, и на кабак отнюдь не ходити... и аще сами священники удержатся от пьянства, то незазорно им будет и люди учити». Свою речь о пьянстве, замечает архиепископ, он обращает не к одному духовенству, но и ко всем пасомым, которых он затем и научает истинно христианской жизни. «Подобает, говорить архиепископ, всем православным христианом имети любовь нелицемерну, ненавидяще злое, прилепляющеся благому братолюбием друг ко другу» и т. д. Прерывая свои поучения ко всем православным, Серапион снова обращается исключительно к священникам, как главным исполнителям его архипастырских предписаний, как призванным руководить и наставлять в доброй жизни других. «Вы священники, поучает архиепископ, рассмотряйте детей своих духовных, аще кто в них повинен, и беззаконник, и непокорлив, и нечестив, и грешник, неправеден и скверен, хульник, отца и матери досадитель, мужебийца, блудник, мужеложник, клятвопреступник, — с такими грешники не поведено ни пити, ни ясти; — и вы бы, священники, в такихых гресех кто у вас обрящется, и вы бы им за такие грехи опитемьи давали и запрещали бы впредь таких богомерзких дел не творили». А так как тогдашнее духовенство и само было заражено многими пороками и недостатками, то архиепископ опять обращается к нему с поучением: «да и самим вам — священники и диаконы, быти непорочным, трезвым, целомудренным, благоговейным, честным, страннолюбивым, учительным, не пьяницам, не бийцам, не сварливым, не мшелоимцем; но кротким, смотреливым, независтливым, несребролюбцем, свои дома добре правяще, чада своя имуща в послушании со всякою чистотою; аще бо кто своего дому не умеет правити, како о церкви Божии прилежати возможет?» Всех православных христиан архиепископ убеждает чтить и слушать своих священников, любить братство, бояться Бога, чтить царя, повиноваться властям придержащим, и присоединяет к этому и еще другия общия нравственные наставления.

Обращаясь снова к священникам архиепископ запрещает им, после венчания, заходить на обеды в дома брачующихся двоеженцев и троюженцев, так как «возбранено есть святыми отцы иереем с такими обедати у них на брацех». В тоже время относительно священников архиепископ произносит такое практически важное суждение: «суть иже (священники) божественные книги добре ведуще, словом же и делом и житием целомудренным,

таковых на большии лучшии степень повелеваем возводити, благодарение же и чести подати им многи, да и прочии, окрест сущии, тверже будут верою на сохранение нашего царства, якоже и карфагенского собора правило 71 повелевает».

Но, пишет архиепископ, что бы церковная жизнь шла правильно, необходимо всем строго соблюдать церковные постановления, необходимо, что бы на самые архиерейские кафедры избирались люди достойные, способные истинно пасти стадо Христово. «Сице убо, пишет он, последующе и мы св. апостол преданию и богоносных отец, твержущая запрещения положихом святых и апостольстей церкви, яко да грубым и худым неудобь им будет восходити первое святительства, или же чрез божественные повеления возводя таковые». И приводя затем различные свидетельства св. Писания, подтверждающие его мысль, заявляет: «видиши-ли, яко; преслушания ради божественных книг и вся злая приходят на вы. Да аще убо в ветхем законе толико казни и толико запрещения, то кольми паче в благодати требен есть смотрение велико имети. Повелехом бо сего ради на высоту святительства добре могуща и крепкия воз-водити не телом, но душою и разумом, могущих на пажить обращати душа словесных овец — паству Христову, иже поручени быша от Бога паставити под сению церкви святые божественных таин, и затворити во ограде спасенных заповедий, яко немощно будет зверем входитьи и восхищати паству Христову и священное церковное смущающе исполнение».

В заключение своего окружного послания архиепископ Серапион говорит, что ныне произошло смущение в церкви «от вины брачные», и он, согласно соборному установлению, предписывает, чтобы четвертому браку «быти отвержену отнюдь». Если же кто вступить в четвертый брак, «всякого лишен будет собора церковного, и входа в церковь святую, дондеже в сожитии: се бо отцем, прежде нас бывшим, изволися; мы же волю явленейшу творящу, яко чужа христианского жития сего отместем». Третий брак, «человечестей повинующеся немощи» архиепископ признает, но под условием возложения епитимии на троебрачника. Если же, говорит архиепископ, какой священник дерзнет троебрачущихся допустить до святого причащения ранее положенного епитимийного срока (от 3-х до 5 лет), то такой иерей «в своем степени беду приимет», а незаконно сподобившийся причащения «в неприобщенных стояти до скончания шестого лета»⁵.

Таким образом, как видно из приведенной памяти суздальского архиепископа Серапиона, епархиальные архиереи, по поводу получаемых ими жалоб на различные церковные беспорядки, на нравственную распущенность духовенства и пасомых, издавали от себя памяти, или окружные послания, адресованные епархиальному духовенству и всем пасомым в видах, путем запрещения и угроз, увещаний и наставлений, исправить вкравшиеся в местную церковную и народную жизнь различные беспорядки и пороки.

⁵ Рукопись импер. публ. библ. из собр. гр. Толстого, по описанию Калайдовича и Строева, № 258, а по нынешнему библ. каталогу: Отд. II, 21, № 33; л. л. 122—162. Московская память тиуну Монойлову 1636 года напечатана в Акт. Арх. эксп. Т. III, № 264.

Но одними запрещениями и угрозами, одними увещаниями и назиданиями, устранить все недостатки и нестроения в религиозно-нравственной жизни общества и самого духовенства было очень трудно. Поэтому, и после издания памятей духовными властями, осуждаемые в них недостатки и нестроения продолжали существовать по-прежнему, по-прежнему «ни возбуждали неудовольствия и жалобы людей благочестивых, искренно и сильно смущавшихся ими, и потому жалобы на церковные беспорядки, на распущенность духовенства и народа, не прекращались. Очевидно необходимо было, кроме издания памятей, употребить еще и другие средства, которые бы более действительно содействовали нравственно-религиозному подъему как духовенства, так и пасомых.

На одну из таких мер, более живо и энергично способную воздействовать на улучшение жизни и пастырской деятельности духовенства, указывает суздальская память. В ней архиепископ повелевает священников книжных, учительных, ведущих трезвую целомудренную жизнь, ревностных к надлежащему исполнению своих пастырских обязанностей, возводить на высшую степень, т. е. на протопопские места с тем, чтобы они служили живым наглядным примером для всех других пастырей, и чтобы эти священники, смотря на них — на воздаваемую им честь, стали во всем подражать им, и таким образом жизнь духовенства сама собою стала бы постепенно улучшаться, а вместе с нею необходимо стала бы улучшаться и вся нравственно-религиозная жизнь пасомых.

Указанную меру архиепископа Серапиона—выдвигать лучших, выдающихся священников, на видные протопопские места, в видах перевоспитания духовенства и народа, в широких размерах постарался вскоре осуществить духовник царя Алексея Михайловича, благовещенский протопоп Стефан Вонифатьевич, ставший в Москве главою целого реформаторского кружка ревнителей благочестия и получивший особое, исключительное влияние на ход всех тогдашних церковных дел.

Благовещенский протопоп Степан Вонифатьевич, выдвинувшийся на первое место в наших церковных делах с восшествием на престол царя Алексея Михайловича, как его духовник, по одному современному известию, был «муж благоразумен и житием добродетелен, слово учительное во устах имея». Свою учительность Стефан направлял прежде всего на самого юного царя. Он, говорит биограф Неронова, «всегда входя в царские палаты, глаголаша от книг словеса полезная, увещевая с слезами юного царя ко всякому доброму делу, и врачую его царскую душу от всяких алых начинаний». Даже ночью царь приходил к своему духовнику, чтобы принять от него благословение и побеседовать с ним наедине. В видах воспитания и нравственного воздействия на царя, Стефан или сам читал пред царем, или давал ему самому читать те или другие назидательные и учительные книги. Неронов, в письме к Стафану из Вологды, от 13 июля 1654 г., пишет: «преподобного отца Феодора Исповедника, игумена Студийского, житие к тебе послах, моля, да часто почитавши его пред блегочестивым царем, чтоб ему, государю, вестно было. Паче же и великого светильника и вселенней учителя воистинну и покаянию проповедника, Иоанна Златустого житие почитати молих тя». Очевидно, чтение Стефаном книг пред царем, или передача им книг царю для прочтения, было явлением

обычным. Как сильно и заметно было влияние Стефана на молодого царя и окружающих его лиц, это, между прочим, видно из следующего обстоятельства: старинный, свято всеми соблюдавшийся обычай, требовал, чтобы свадьбы праздновались возможно пышно, шумно и весело, что бы на них все пело, плясало, много пило и всячески веселилось, и никто не решался отступать от установившегося взгляда на характер свадебного пира, — иначе и свадьба была бы не в свадьбу. Царские свадьбы доселе носили тот же характер. Но когда Алексей Михайлович вступил в брак с Марией Милославской, «тогда честный оный протопоп Стефан и молением и запрещением устроил не быти в оно брачное время смеху никаковому, ниже кошунам, ни бесовским играньям, ни песнем студним, ни сопельному, ни трубному козлогласованию». И хотя это требование благочестивого духовника шло решительно в разрез с вековыми обычаями, всеми свято соблюдаемыми, «моление и запрещение» глубоко уважаемого духовника взяло верх: свадьба царя Алексея Михайловича действительно совершилась «в тишине и страхе Божии, и в пении и песнях духовных»: вместо прежних «песней студных» на ней цели «строчные и демественные большие стихи, также и триодей драгие вещи»⁶.

Поучая и назидая царя, заботясь о том, чтобы царский дом в своей жизни, во всем своем домашнем обиходе, был примером и образцом для подданных, Стефан Вонифатьевич в тоже время не опускал случая действовать своими поучениями и на окружающих царя вельмож, чтобы и в них возрастить семена благочестия, и подвигнуть их к строгому соблюдению правды и справедливости в их общественно-государственной деятельности. Биограф Неронова уверяет, что Стефан «зело пекийся о спасении души благочестивого царя, млада суца, да несовратится ум его в некая злая», в то же время «и бояр увещеваше с слезами непрестанно, да имуть суд правый без мзды, и не на лица зряще да судят, яко да не внидет от некоторых обиденных и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваофа».

Поучения и назидания кроткого и миролюбивого царского духовника не только никого не раздражали и не возбуждали против него, но царь и бояре «в сладость послушаше его любяше всею душею, яко истаго си отца». Протопоп Аввакум в одном случае замечает, что при царском духовнике Стефан «вся быша тихо и немятежно ради его слез и рыдания и негордаго учения»⁷.

Стефан заботился о научении и назидании не только царя бояр, но и всех тех лиц, которые могли и любили почитать книги учительного и назидательного характера. Для этой цели в 1648 году в Москве издана была, по свидетельству дьякона Федора, «тщательством благого духовника царя» книга о Вере, написанная киевлянином Нафанаилом, игуменом киевского Михаиловского монастыря. Вероятно не без поощрения Стефана Вонифатьевича издавались тогда в Москве и другие просветительные и учительные книги, заимствованные из южно-русских произведений, каковы, например: славянская

⁶ Мат. для ист. раск. I, 97, 272 — 273. Забелина: Дом. быт рус. цариц, стр. 451.[7] Мат. V, 122.

⁷ Мат. V, 122.

грамматика Мелетия Смотрицкого, с обширным и очень важным по своему содержанию предисловием, изданная в 1648 году; в следующем 1649 году «ради учения и ведения всем православным христианам, наипаче детям учащимся», напечатан был так называемый малый Катихизис, представляющий из себя простую перепечатку краткого Катихизиса Петра Могилы и т. д. 1). Что Стефан Вонифатьевич сочувствовал киевлянам и киевской учености, это видно и из того, что его друг — известный Федор Иванович Ртищев, в беседах с которым он проводил иногда целые ночи, устроил около Москвы Андреевский монастырь, и заселил его нарочно вызванными для этой цели южнорусскими монахами. Точно также и вызов в Москву известных ученых киевлян: Арсения Сатановского, Дамаскина Птицкого и Епифание Славинецкого, за которыми последовали и другие, конечно совершился с благословения Стефана Вонифатьевича, — без его прямого одобрения и поощрения молодой царь не решился бы на такую меру.

Стефан Вонифатьевич был не только поклонником киевской учености, не только заботился о перенесении в Москву киевских ученых произведений, но вместе с тем он был и убежденный грекофил, считавший необходимым тесное во всем единение русской церкви с вселенскою греческою, признававший, что греческие патриархи, и современные греки вообще, строго православны, что у них церковный чин и обряд сохранился в его древнем первоначальном виде, и что если он в чем несходен с современным русским церковным чином и обрядом, то это потому, что русские церковные книги, некоторые церковные чины и обряды именно у нас, а не у греков, подверглись порче и изменению. В 1648 году, как мы говорили, была издана Стефаном Вонифатьевичем книга о Вере, которая уже в первые два месяца с небольшим разошлась в количестве 850 экземпляров, что указывает на крайне большой спрос на эту книгу и на ее быструю распространенность в тогдашней читающей публике. А между тем в ней самым решительным образом о греческой тогдашней церкви и восточных греческих патриархах делаются такие заявления: «святая восточная в грецех обретенная церковь правым царским путем, аще и вельми тесным, но обаче от Иисуса Христа Бога и Спаса нашего и истинных его наследников утлаченным, ни направо, ни налево с пути не совращаяся к горнему Иерусалиму сыны своя препровождает, в поданном от Господа Бога терпении; и ни в чем установление Спасителя своего и блаженных его учеников, и святых отец предания, и седми вселенских соборов, *Духом Святым собранных устав не нарушает, ни отменяет, и в малейшей части не отступает, не прибавляя, ни отнимая что, но яко солнце одинакою лучею правды всегда, аще и в неволи пребывая, светится правою верою.* А чтобы лучше православный христиане в той мере ведомость могли иметь, яко стадо Божиих овец, в греции живущих, аще телесную чувственную, от телесного и чувственного врага неволю терпят, но веру истинную, и совесть свою чисту и нескверну, Царю над всеми цари и Богу сохраняют. Ничесожь бо турци от веры и от церковных чинов отымают, точию дань грошовую от греков приемлют, а о делах духовных и о благоговеинстве нимало не належать, и не вступают в то. И якоже люди Божии, егда в работе египетской были, веры не отпадоша, и первии христиане, в триста лет в тяжкой неволи будучи, веры не погубиша; тем же образом и в нынешнее время в неволе турецкой христиане веру православную делу соблюдают... *да заградят всякая уста*

глаголющих неправду, гордынею и уничижением, на смиренных греков!» «Помощию Господнею в восточной церкви четырех верховнейших пастырей, по подобию четырех евангелистов, имеем... Слушати восточные церкви и патриарха константинопольского и прочих четырех, творить нам оную пользу: благословение временное и спасете вечное. Русийскому народу патриарха вселенского, архиепископа константинопольского, слушати, и ему подлежат и повиноватися в делах и в науце духовной есть польза, и приобретение велие, спасительное и вечное»⁸... Думать, что эти и подобные места книги о Вере относительно тогдашней греческой церкви явились только потому, что они находились в южно-русском подлиннике, простым дословным воспроизведением которого явилось Московское издание, что в Москве им вовсе не придавали того значение, какое они имеют сами по себе, решительно невозможно. Воззрение книги о Вере на тогдашних греков слишком противоречили ходячим московским представлениям поэтому предмету, и потому никак не могли остаться незамеченными как самим издателем, так и многочисленными читателями самой книги. Наоборот, именно эти воззрения на греков и были, конечно, главной причиной, почему Стефан Вонифатьевич «с тщательством» занялся изданием книги о Вере: он сознательно хотел этой книгой подготовить московское читающее общество к той мысли, что задуманное им и царем приведение русской церкви к полному во всем единству с тогдашнею греческой церковью, не должно вызывать каких либо недоумений, а тем более протестов, как явление вполне естественное и законное, что предубеждение русских против современной греческой церкви — ошибочно, несправедливо и от него следует отказаться⁹. Тем более Стефан Вонифатьевич мог рассчитывать на подобное именно впечатление в московском обществе от изданной им книги, что уже и ранее появившаяся в Москве Кириллова книга, тоже решительно заявляла: «четыре вселенские патриархи даже и до днесь, каждого лета соборне, такоже и по единому, писаньми своими право и неизменно веру данную им от святых апостол, и их учеников, и седми вселенских соборов, и поместных соборов, ни в чем не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповедали и проповедуют, держали и держат, и славят пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа»¹⁰.

Но особенно ярко грекофильство Стефана Вонифатьевича сказалось в той деятельности, какую он, и его духовный сын — царь Алексей Михайлович, проявили под конец патриаршества Иосифа, а так же в избрании и поставлении в патриархи Никона, и в деятельной поддержке его грекофильской реформы, о чем мы будем говорить ниже.

За свой высокий нравственный характер, за свою кротость и миролюбие, за свое смирение, соединенное с глубоким благочестием, Стефан Вонифатьевич пользовался величайшим уважением не только царя, Ртищева, Никона, но в всех вообще близко

⁸ Главы: 2, 20, 25

⁹ В этих видах Стефан Вонифатьевич позаботился, чтобы книга о Вере получила возможно быстрое и широкое распространение среди московского общества, чего он, как мы видели, и достиг: Книга о Вере раскупалась в Москве очень быстро и для того времени в большом количестве экземпляров.

¹⁰ Л. 93.

знавших его лиц. Неронов, в своих письмах, называет Стефана «мужем строящим мир церкви», «подобным Давидови незлобием и кротостию», заявляет, что он «дивится его смирению и простонравию блаженному». Игумен Феоктист, в письме к Стефану от 15 июля 1654 года, величает его «великий отче и дивный моему смирению покрове, пачеже стено по Бозе и заступниче, вселюбезный наш по Бозе пастырю и учителю». Протопоп Аввакум, не имевший обычая говорить доброго слова о тех, кто не согласен был с ним в убеждениях, не смотря на то, что Стефан «всяко ослабел» т. е. стоял на стороне Никона, сохранил о нем однако самое доброе воспоминание, — время Стефана всегда представлялось ему самым лучшим и светлым. В челобитной государю, по возвращении из Даур, когда Стефана уже не было в живых, он пишет: «добро было при протопопе Стефане, яко вся быша тихо и не мятежно ради его слез и рыдания и негордого учение: понеже не губил никого Стефан до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение. Тебе свету (т. е. царю) самому житие его вестно». Рассказывая о своем заключении в Андроньевском монастыре, где он три дня сидел без пищи и питья, Аввакум замечает: «тут мне пищу принесе ангел за молитв святого отца протопопа Стефана». В послании к некоему Симеону Аввакум замечает: «при духовнике протопопе Стефане Алексеюшко-то с Марьюшкою (т. е. царь с царицей) добры до нас были и гораздо, яко Аркадий и Евдокие к Иванну». В одном случае Аввакум обращается к царю: «воздохни-тко по старому, как при Стефане бывало, добренько». Дьякон Федор называет Стефана, в противоположность Никону, добрым¹¹.

Так как личная учительная и назидательная деятельность Стефана сосредоточена была только в пределах царского двора и круга только придворных лиц, на которых он непосредственно мог оказывать свое действие, а между тем Стефан имел в виду более широкие цели: воспитывать в благочестии весь народ, то он и постарался из среды известного ему духовенства выдвинуть таких лиц, которые бы всюду в народе были проводниками и исполнителями его предначертаний. Царь вполне разделял планы Стефана и потому последнему легко было поставить в разных городах на видные протопопские места таких священников, которые были известны ему строгой благочестивой жизнью, начитанностью и учительностью, ревностью в исполнении своих пастырских обязанностей, готовностью бороться с различными общественными пороками и недостатками и т. п. Ревнители, поставленные Стефаном на протопопские места по разным городам, должны были, с одной стороны, служить примером и образцом для всего подчиненного им духовенства, бороться с его распущенностью и недостатками, поучать и направлять его к правильному достойному отправлению своих пастырских обязанностей, и тем поднимать уровень пастырской деятельности всего духовенства; с другой стороны, они, каждый в своем приходе и городе, должны были учить, наставлять и обличать своих пасомых, смело и неустанно бороться с народными пороками, недостатками, с народными грубыми развлечениями, с народными языческими игрищами и суевериями, с недостатками в народе настоящей религиозности и церковности и т. под из этих ревнителей, рассеянных по разным городам, по

¹¹ Мат. для ист. раск. т. I, стр. 85, 91, 104, 109 — 110; т. V, стр. 122, 125, 220; т. VI, 197; т. VIII, 44.

преимуществу патриаршей области, образовался особый, довольно тесно сплоченный, кружок, главой, руководителем и опорой которого был Стефан Вонифатьевич, всегда готовый поддержать ревнителей в их трудном и ответственном служении, оградить их от обид и насилий, предстательствовать за них пред царем, и доводить до сведения государя их ходатайства о тех или других мерах, проведение которых они считали необходимым для успеха их нравственно-просветительной деятельности в народе.

В состав кружка ревнителей благочестия вошли известные потом лица: Неронов, Аввакум, Даниил, Лазарь, Логгин. Из них самым видным и деятельным помощником Стефана был Иоанн Неронов, которого Стефан нарочно из Нижнего Новгорода перевел в Москву и сделал протопопом московского Казанского собора, потому что, говорит биограф Неронова: «та церковь посреди торжища стоит, и мног народ по вся дни непрестанно в ней бывает, да слышаще его учение сладкое народ отвратят сердца своя от злых обычаев и навикнут добрых дел. Ибо в оная времена в царствующем граде Москве, и в иных российских градах, иссякло бе учение, и уклонилися бяху людие в небрежение и слабость и во многие игралища». Очевидно Стефан имел в виду сделать в Москве из Неронова народного церковного проповедника и дать в его лице образец московскому духовенству, как ему следует настоящим образом отправлять церковные службы и все вообще свои пастырские обязанности. Неронов так именно и понял задачу и цель своего переселения в Москву. Он стал здесь — в Казанском соборе, самым истовым образом отправлять положенные церковные службы, ввел в них строгое единогласие, стал постоянно читать в церкви отеческие поучения и толковать их народу, чем и произвел очень сильное впечатление на москвичей, которые толпами направлялись в Казанский собор, так что в нем не могли даже поместиться все желавшие слушать Иоанна. И этих, невмещавшихся в храм, Неронов хотел оставить без научения и назидания: он «написа окрест стены святыя церкви поучительныя словеса, да к от народа, приходяй к церкви, аще и кроме пение, не простирает ума своего на пустошная мира сего, но да прочитает написанная на стенах, и пользу душе приемлет. Нередко в Казанский собор приезжал и сам царь всюю семьею, чтобы слушать поучение Иоанна¹².

Подобных же характером, т. е. истовостью в исполнении разных церковных служб, учительностью, энергичной борьбой с различными общественными пороками и недостатками, отличались и другие члены кружка ревнителей. Достаточно в этом случае припомнить знаменитого протопопу Аввакуму, его подвиги в борьбе с нечестием, его многие злострадания за обличение людской неправды, людских пороков и недостатков, его великую способность переносить все, чтобы «грешницы не делали на хребте его». Познакомившись с Аввакумом, Стефан Вонифатьевич на первый раз «благословил его образом Филиппа митрополита, да книгую св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди», и потом, убедившись в горячей ревности Аввакума по благочестию, в его готовности энергично бороться с общественными неправдами, пороками и недостатками,

¹² Предшествовавшая переселению в Москву жизнь и деятельность Неронова подробно изложены нами в нашей книге: *Патриарх Никон*, стр. 107—113.

Стефан назначает Аввакума протопопом Юрьевца Повольского. Когда Аввакум за свои резкие обличения был сильно побит в Юрьевце и бежал в Москву, где явился к Стефану, то Стефан, рассказывает Аввакуму, «на меня учинился печален: на что — де церковь соборную покинул? Опять мне горе! Царь пришел к духовнику благословиться ночью; меня увидел тут; опять кручина: на что-де город покинул?» Понятно недовольство царя и Стефана бегством Аввакума из Юрьевца: Аввакум и поставлен был в юрьевские протопопы именно для борьбы с царившими там среди духовенства и народа пороками, а он, при первой неприятности, ничего не сделав, малодушно бросает свой важный, ответственный пост и бежит в Москву.

Книжностью, учительностью, борьбой с общественными пороками и недостатками отличались и другие лица белого духовенства, выдвинутые Стефаном, и получившие благодаря ему протопопские места по разным городам. Так костромской протопоп Даниил за свои ревностные обличения был, подобно Аввакуму, изгнан из Костромы. Об учительстве Логгина сохранилось известие у Олеария, который говорит, что Логгин в 1658 году стал говорить проповеди и хотел ввести этот порядок в подведомственном ему духовенстве, в чем уже и имел большой успех. Но патриарх, узнав об этом, вспылал гневом, отрешил от места, предал анафеме и сослал в Сибирь. Известна также челобитная жителей Мурома к архиепископу рязанскому и муромскому Мисаилу с похвалами Логгину и с просьбою возвратить его пастве. В челобитной говорилось, что Логгин муж учительный, «по вся дни, нощи и часы» проповедывал слово Божие, вразумлял невежественных, а «врагов Божиих, церковных мятежников, противящихся преданию св. Апостол, обличал, и от стада Христова отгонял», и что именно эти враги, из боязни его обличений, ложно оклеветали его, а между тем, с удалением Логгина из Мурома, явилось в городе «в православной вере христианом разделение», мятежники восстали на почитателей благочестия, которым теперь приходится бежать из города, почему челобитчики и просят воротить в Муром Логгина. О книжности и способности к учительству романо-борисоглебского попа Лазаря говорит его обширная челобитная против новоисправленных книг, которая опровергается в книге: *Жезл правления*.

Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин и другие протопопы и священники, рассеянные по разным городам московского государства, ревновавшие о подъеме нравственно религиозной жизни духовенства и всего народа, составляли из себя, в кружке ревнителей благочестия, особую группу, которую мы, в отличие от кружка ревнителей столичных (о них речь ниже), назовем провинциальною, так как в некоторых своих воззрениях эта группа существенно разнилась от воззрений группы столичных ревнителей, вследствие чего между ними, с течением времени, и произошел разрыв, вызвавший раскол в русской церкви.

Об общем характере деятельности провинциального кружка ревнителей Неронов в своей челобитной царю из Спасокаменного монастыря, от 2 ноября 1653 года, говорит так: «а при отце твоём Цареве, блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Руси, те страдальцы (т. е. Аввакум, Даниил, Логгин и Лазарь)

многа лета были, и порока в них, государь, никакова к вам, государем, не явилось... А они в те лета беспрестанно к вам, государем, на всякие бещинныя извещали, и святейшим патриархом блаженные памяти, и прочим властем о утверждении святых церквей, что вам, государем, вестно было. И вы, государи, ко утверждению церкви, вышняго Бога помощь, десницею своею помощь подавали». И в послании к царице, от 2 мая 1654 года, тот же Неронов говорит: «яко же и древле начальник веры и спас душ наших владыка Христос зависти ради пострадал от жидов; сице и тии (т. е. Аввакум, Даниил и др.) мучени, и томлени, и изгнани ради проповеди закона, и ради учение, и за еже понуждати им на благое всех человек, ревность имуще, да не един от христиан правого пути погрешить, но вси спасение да улучать и чисти пред сотворшим ны предстанут в день праведного суда, иже и воздаст комуждо по делом его»¹³.

Таким образом, по заявлению самих провинциальных ревнителей, их особенная задача и призвание состояли прежде всего в том, чтобы они «на всякие бещинные извещали государем», и чтобы патриархам и другим властям подавали челобитные «о утверждении святых церквей» т. е. ходатайствовали пред духовными властями об уничтожении разных церковных беспорядков и нестроений, которые так резко тогда проявлялись в нашей церковной жизни и на которые указывалось в их челобитных. Затем задачей ревнителей, по их выражению, была «проповедь закона» и научение, с целью побуждать всех на благое, чтобы никто из христиан не уклонялся от правого пути, «но вси спасение да улучат». Этими задачами, по мнению провинциальных ревнителей, и исчерпывалась вся деятельность кружка, в осуществлении только этих задач состояло и должно состоять все его назначение¹⁴. При этом кружку провинциальных ревнителей благочестия совершенно была чужда мысль о признании неисправности самых наших богослужебных книг, церковных чинов и обрядов: нечинно, неправильно, небрежно совершаются духовенством церковные службы, не так, как требует устав и святые отцы; пороки и нехристианские обычаи царят в народе, а пастыри об этом нерадят, — вот только о чем постоянно твердят все их челобитные. О том, что нужно исправлять самые наши церковные книги, чины и обряды, как погрешительные, что для этого нужно приглашать в Москву ученых киевлян и греков и им поручить в Москве книжную справку, что следует у них учиться разным наукам, так как и вся вообще московская жизнь нуждается в обновлении с помощью иноземной науки и просвещение, — провинциальные ревнители вовсе и не думали, подобные мысли были им совершенно чужды и даже вовсе непонятны. Они, если и признавали недостатки современной им нравственно-религиозной и церковной жизни признавали долг пастырей энергично бороться с ними, то в тоже время, во взгляде на русскую церковь вообще и на отношение ее к греческой церкви, стояли на почве тех исторически сложившихся у нас воззрений, которые были высказаны некоторыми нашими книжниками еще в конце XV и в начале XVI века, по которым русской церкви отводилось первое место в ряду других православных церквей, которыми Русь признавалась единственною хранительницею и опорю чистого, ни в чем

¹³ Мат. I, 36, 80.

¹⁴ Частнее эта деятельность кружка ревнителей подробно указана в нашей книге: Патр. Никон, стр. 117—128.

неповрежденного православие, уже несколько замутившегося у самих греков. Москва — это третий Рим, заступивший место нового Рама — Константинополя; в деле православие русские заняли место прежних греков, так как только у одних русских сохранилась теперь правая, ни в чем неизменная вера; только на одной Руси, сравнительно со всеми другими странами, «большее есть православие и высшее христианство», только одна русская держава цветет теперь «совершенным благочестием, как свет солнечный»; тогда как у самих греков «вера православная испроказися Махметовою прелестью от безбожных турок», вследствие чего она стала у них ниже и несовершеннее во всем совершенной веры русской. На почве именно этих воззрений, высказанных еще в начале XVI века, по преимуществу старцем Елеazarова монастыря Филофеем, и стояли провинциальные ревнители. Правда, они допускали, что в русской церковной жизни есть свои недостатки и погрешности; но эти недостатки и погрешности заключаются не в самых церковных обрядах и чинах, а только в неправильном, или небрежном выполнении их пастырями церкви, которые действительно и нуждаются в научении, или исправлении. Сама же русская церковь, по убеждению провинциальных ревнителей, до самых последних обрядовых мелочей, всегда оставалась и остается верною во всем истинному православию, никогда ни в чем не изменяла ему, ни в чем, даже в самом незначительном обряде, ничего не потеряла из него, так как на Руси всегда твердо и неизменно держались той мысли, что «не точию в вере, но ни в малейшей частице канонов и песней, что ни у какого слова, не у какой речи ни убавить, ни прибавить ни единого слова недолжно», «что православным нужно умирать за едину букву аз». Если же русская церковь в некоторых своих церковных чинах и обрядах и порознилась с современной греческой церковью, то это потому, что позднейшие греки не остались во всем верны православию, но кое-что потеряли из него, допустив у себя разные новшества, вследствие чего у современных греков самое православие сделалось «пестро», а благочестия у них, «и следу нет». В виду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнению провинциальных ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной проверке русским, и только то, что найдет себе оправдание в русской церковной жизни и практике, может быть от греков принимаемо и русской церковью; все же, что у греков несогласно с русским, должно быть безусловно отвергнуто, как чуждое православию, как превзошедшее в греческую церковную жизнь в позднейшее время под влиянием иноверия и главным образом латинства, ибо единственно верный критерий для определения того, что истинно православно и что нет, теперь находится не у греков, а только у русских. Поэтому: вносить в русскую церковную жизнь что либо греческое, несогласное с русским, исправлять русские церковные чины и обряды по образцу современных греческих, значило, по мнению провинциальных ревнителей, заведомо развращать чистое, ничем и никогда неоскверненное русское православие, значило вносить в него латинские ереси.

Точно также провинциальные ревнители благочестие признавали, что в русских церковных книгах находятся некоторые ошибки и погрешности, внесенные в них небрежными и невежественными переписчиками, и что с этой стороны русские книги действительно нуждаются в исправлении. Но они решительно не допускали той мысли, что бы русские церковные книги были очень испорчены и притом настолько, что

заклучали в себе чуть не ереси, чтобы их следовало исправлять или вновь переводить по греческим печатным книгам. Если они и признавали греческие книги, то только древние рукописные, а не новые печатные, которые печатались в иноверных землях и в которые латиняне и лютеране вносили свои ереси. В виду этого русским никак не следует принимать греческих книг, и, во всяком случае, для определения достоинства и пригодности греческих книг, их необходимо проверять имеющимися у русских славянскими переводами, и все несогласное с ними в греческих книгах, решительно отбрасывать, как неправославное, внесенное в них еретиками. Греческие книги потому именно и порознились с русскими, что они подверглись у греков искажениям со стороны еретиков, вследствие чего исправлять русские книги по греческим в тех случаях, где они с ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русские книги, вносить в них те именно ереси, которые уже успели внести еретики в книги греческие.

Наконец провинциальные ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились к ученым выходцам: грекам и киевлянам, и никак не желали допускать их до какого либо участия в наших церковных делах. Неронов, в одной своей челобитной государю, взывает: «и паки молим тя, государя, иностранных иноков, кроме Богом избранных истине неразвратников, коих истине и благочестию ругателей, и ересем вводителей, в совет прияти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусши житие их». Неронов, с своей точки зрения, объясняет, почему без строгого тщательного испытание, никак не следует доверять ученым иностранным выходцам. «Зрим бо в них (ученых выходцах), государь, пишет Неронов, ни едину от добродетелей: Христова бо смирения не имут, но сатанинскую гордость, и вместо поста многоядение и пьянство любят; вместо же, еже Христа, истаяти тело, мягкость и буйство любят, крестного же знаменья на лица истинное изобразити не хотят, и сложению персть блядословне противятся, яко врази истинне и ругатели; на коленех же поклонитися Господеву от покоя ради не хотят, и лжу сшиваючи самосмышлением, разум божественного писания лукаво скрываючи, своевольне блядут на прелесть безумным человеком»¹⁵.

¹⁵ Мат. I, 67. Нужно заметить однако, что Неронов представлял из себя некоторое исключение в среде провинциальных ревнителей в том отношении, что он признавал в церковных делах авторитетом восточных патриархов, хотя и не признавал нужды исправления Никоном наших церковных книг, чинов и обрядов. Подробно об этом будем говорить ниже.